

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: О СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЕРАРХИЧЕСКИХ И ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

**Мартьянов
Виктор Сергеевич**
кандидат политических
наук, ученый секретарь
Института философии и
права УрО РАН

Слово «идентичность», введенное в научный оборот в последние десятилетия, пока весьма далеко от категориальной ясности. Находясь в новомодном ряду терминов, таких, например, как «дискурс» и «менталитет», оно может обозначать в различных контекстах практически все, что угодно. Содержание понятия «идентичность» пересекается с таким смысловым рядом, как аутентичность, подлинность, самость, (само-) удостоверяемость, самоопределение, тождественность самому себе. Собственно, на латыни исходное понятие «identitas» и означало «тождественность».

Нам представляется, что идентичность призвана являться одним из механизмов упорядочения, пространственно-временного движения содержания социальной реальности. В основе идентичности лежат механизмы различения и отождествления. Идентичность возникает из сравнения Я и Другого, Мы и Они. При этом Другой-Иной может априорно определяться и как Враг, и как Друг. Идентичность призвана свидетельствовать об определенном онтологическом и метафизическом статусе субъекта, будь то индивидуальное или коллективное Я. Сам процесс идентификации является функцией самоописания, самоопределения, функцией вольного или невольного обретения субъектности тем, кто идентифицируется. Особенность этой субъектности в том, что она имеет субъективно-ролевой, функциональный, сконструированный характер.

Идентичность как проблема возникает именно тогда, когда она перестает быть самоочевидной и начинает, как нечто самостоятельное, отслаиваться от социально-онтологических сущностей. Идентичность возникает путем проведения мыслительных границ, которые затем становятся реальностью и часто продолжают жить собственной, автономной от первоначальных денотатов жизнью.

Актуальное состояние постмодерна обнаружило факт разрыва между исконными социокультурными сущностями, представлявшимися в традиционном обществе неизменными и вечными, и социальными идентичностями. Сущность из универсальной становится контекстуальной, коннотация определяет денотат. Более того, субъективно-ролевая по своей сути идентичность в условиях постмодерна претендует на место сущности. Данная тенденция иллюстрирует тот факт, что неизменные сущности в современном быстротекущем мире становятся все большим дефицитом. Идентичность оказывается не тем, чем является субъект на самом деле, но лишь ролью, тем, чем он хочет казаться. Отсюда возникает возможность произвольной смены идентичности, которая больше не тождественна сущности.

Идентичность есть субститут сущности в состоянии постмодерна. Сущности-идентичности отрываются от своих привычных материй и получают автономное существование. Из подобного отрыва, например, вырастает вся современная гендерная проблематика, когда сущность пола превращается в идентичность гендерного конструкта, сущность этноса – в национальную идентичность, а классовая сущность трансформируется в нечто вроде «стиля жизни». При этом идентичности, заменив собой «реальные сущности», оказывают не меньшее влияние на представления о социальной реальности. Достаточно вспомнить и о настойчивых поисках российскими социологами и политологами «среднего класса» в России. В целенаправленном конструировании «должного общества» идентичность «среднего класса» настойчиво приписывается всем, кому только возможно, всем, кто согласен (или молчаливо «не против») примерить на себя эту роль-сущность-идентичность. Отсюда и эффект гипостазирования, когда политическим «универсалиям» умозрительного порядка приписывается реальное существование. Таким образом, опираясь на «объективную самооценку», «свободу выбора» и аморфные критерии, человек охотно приписывает себя к престижной (нормальной) в его глазах идентичности. В результате идеологический фантом становится статистически весомым и репрезентативным.

Идентичность превращается в проблему именно тогда, когда становится возможным ее выбирать. Ведь в сословном и даже классовом обществе, не говоря уже об обществе кастовом, идентичность передавалась из поколения в поколение в условиях

«статичной» социальной реальности. На месте четко стратифицированных исторических общностей, сохраняющих устойчивое единство образа жизни, взглядов, целей и ценностей, возникают новые общества, описываемые сквозь призму концептов «гибридной», множественной, смешанной идентичности, теории «среднего слоя», «общества потребления», «информационного общества», «общества двух третей», с весьма размытыми и условными механизмами идентичности.

Идентичность как проблема возникает во время перемен, в ситуации, когда требуется объединить новой синтетической идентичностью традиционные «самоочевидные» идентичности, создать новое социокультурное коллективное Я, например ту же нацию-государство. С другой стороны, любой переход от традиционного общества к обществу современному, а затем и к постсовременному сопровождается взрывом новых идентичностей, которые фрагментируют общество, акцентируясь на частных и особенных интересах в противовес всеобщему. В результате современные синтетические идентичности, как правило, многосоставны. Например, идеальная «российская идентичность» опирается на целый комплекс критериев и символов, таких как язык, история, территория, культурная традиция, общая мифология, религиозная картина мира, общность происхождения, обычаи и т.д. Соответственно определение достаточного набора признаков, а также выделение базовых и второстепенных параметров «российской идентичности» превращается здесь в отдельную и притом весьма серьезную проблему.

Итак, в современном сложно устроенном обществе возникают не менее сложные иерархии идентичностей. Например, Д. Драгунский выделяет пять уровней национальной идентичности: инфраструктурный уровень (уровень быта - пути сообщения, телекоммуникация, финансовая система, розничная торговля – все то, что создает повседневный динамический стереотип); институциональный уровень (право, нормы поведения, образование, церковь и т.д.); уровень повседневности (устоявшиеся социальные, семейные, индивидуальные практики); ценностный (идеологический) уровень и, наконец, ментальный (духовный) уровень (Драгунский Д. Пять уровней идентичности // <http://antropotok.archipelag.ru/text/a059.htm>) Иными словами, комплексная идентичность распространяется на все сферы человеческого существования, охватывая закономерности в индивидуальном и социальном действии, поведении и мышлении.

Подвижность и изменчивость социального кода идентичности облегчает ее целенаправленное конструирование, создание новых идентичностей. Сама возможность выбирать идентичность опирается на апологию освобождения, используемую, в первую очередь, как средство легитимации интересов меньшинств. Освобождение

предстает как реализация или восстановление идеи социальной справедливости. Но свобода и освобождение - не одно и то же. Если все граждане могут быть одинаково свободны в рамках нации-государства, то освобождение, как правило, выливается в требование компенсации одним (пострадавшему меньшинству) за счет других (виновного большинства), порождая неравенство в виде так называемой «позитивной дискриминации» (квоты для меньшинств), политических привилегий «коренным народам» и т.п. Освобождение здесь трактуется как приобретение независимости от «принудительных» идентичностей высокого порядка якобы, закрепощающих и ограничивающих свободу, в пользу идентичностей более низкого порядка, основанных на частных и особенных интересах. Соответственно тотализирующие идентичности, предполагающие универсальность применения и равенство всех людей, рассматриваются в негативном ключе. В этическом аспекте ассимилирующие идентичности вообще трактуются как принцип зла. Апология новых «мультикультурных» идентичностей обычно опирается на религиозную идею спасения, переинтерпретированную Просвещением в идею свободы (эмансипации), которая связана с вполне посюсторонними коллективными интересами, ценностями и институциями.

С другой стороны, риторику идентичности пытается освоить и большинство. Как правило, она выливается в беспомощные попытки властвующей элиты заигрывать с меньшинствами, смягчать и «заговаривать» реальные социально-политические конфликты и противоречия в обществе. Здесь очевидные политические претензии и интересы новых меньшинств обычно сводятся к абстрактным теориям толерантного сосуществования разных групп, идеологии мультикультурализма, поиску консенсуса как главной ценности, демагогическому удержанию «различий внутри единства» (А. Этциони) и т.д. Тем не менее, аморфные «благие пожелания» элит не только не препятствуют, но скорее способствуют тому, что групповые идентичности меньшинств в современных обществах постоянно размывают общую идентичность, то есть базовое социокультурное ядро наций-государств.

Опыт стран ЕС, США и России доказывает практическую несостоятельность идеологии «плавильного котла», которая постепенно отходит в прошлое. Ассимиляция меньшинств остается недостижимой мечтой стран «первого мира», а борьба субкультур в мультикультурном обществе за нормативность, наоборот, становится все острее. Более того, в политической сфере проблема идентичности сегодня используется как первый шаг в легализации социально-политических проблем и конфликтов, которые пока не могут быть высказаны в силу тех или иных причин на приемлемом в данном обществе языке. Речь идет о признании прав, привилегий и символическом

капитале различного рода меньшинств (иммигранты, языковые, конфессиональные, сексуальные и нацменьшинства), для которых дискуссии об идентичности являются пробным камнем последующих политических претензий. Синтетические идентичности высокого порядка в силу ряда причин оказываются не способны переварить и простроить идентичности более частного порядка, разрушающие их изнутри. Общие смыслы, институты, структуры и практики, составляющие социокультурное ядро общества, все чаще не без помощи постмодернистских теорий, отрицающих универсальное, попираются частными интересами.

В целом дискредитация теорий современных обществ как «классовых» обусловила необходимость поиска новых структурно-ролевых идентичностей. Очевидным трендом является кризис синтетических идентичностей - нация-государство, класс, идеология и эффективность идентичностей более мелкого порядка. Актуальный конфликт идентичностей обостряется на общем фоне принципиальных споров ассимиляционистов и мультикультуралистов. Ассимиляционисты пытаются выстроить универсальную иерархию идентичностей различного уровня, в зависимости от выражаемых ими интересов (всеобщих, групповых, частных). По их мнению, единственным выходом из ситуации борьбы идентичностей может стать лишь «правильная» иерархия идентичностей. Соответственно, ахиллесовой пятой ассимиляционизма является проблема законодателей: не ясно, «кто» будет составлять эту правильную иерархию, определять главное и второстепенное, всеобщее и частное, не будучи ангажирован теми или иными социальными интересами.

Идеологема мультикультурализма исходит из аксиомы плюрализма, то есть возможности максимально полного выражения интересов всех общественных групп. Правда, при этом мультикультуралисты часто совершают подмену понятий, облекая политические претензии меньшинств не в политическую, но в культурологическую и моралистическую риторику. Начиная с требований культурного плюрализма, адепты мультикультурализма неизменно приходят в финале к политическим требованиям. Проблема в том, что новые идентичности выделяются и конструируются, как правило, вовсе не с благой целью их последующего включения на «правильное место» в «правильную иерархию интересов». Новые идентичности создаются не для последующего консенсуса или слияния, наоборот, идентичности связаны: а) с обособлением и отстаиванием коллективных интересов тех или иных групп (этнических, религиозных, иммигрантских, языковых и т.д.); б) с претензиями на право участия в политике, которое является следствием признания мультикультурным

обществом их «особой» идентичности. Актуальный мультикультурализм, акцентируя значимость и ценность групповых отличий, теоретически выстраивает себя на внутренней противоречивости Модерна-Современности.

Мультикультурализм в свое время претендовал на построение системы глобальной политической идентификации, однако так и не смог решить проблему сосуществования интересов и различных групповых идентичностей в рамках политической демократии, предполагающей реальную конкуренцию и иерархию различий и интересов. Оказалось, что на практике мультикультурализм мгновенно оборачивается этнонационализмом, а различия - борьбой за основанные на них привилегии и нормы. В результате требования равнозначности, плюрализма и толерантности остаются лишь абстрактными императивами. Тем более, что значимость различий для социальных субъектов в интерсубъективном общественном пространстве не может проявляться лишь в теоретических пожеланиях по поводу способов их толерантного сосуществования, но только через волю к определению реальной значимости отличий, их закреплению в законах, подчеркиванию их асимметрии, исключительности, привилегированности и т.п. В результате, вместо интеграции групп интересов на основе «общечеловеческих» транснациональных ценностей и институтов шел процесс разрушения суверенитета и идентичности наций-государств как изнутри, так и снаружи. Это привело к закономерному падению уровня самоидентификации индивидов и их общностей к догосударственному и донациональному. Таким образом, претензия на глобальность обернулась архаизацией, разрушением единства просвещенческого проекта. Ситуация «взрыва» новых идентичностей будет иметь серьезные политические последствия. Не исключено, что размывание исторического социокультурного и этно-конфессионального ядра сложившейся ранее национально-государственной идентичности стран ЕС, США и России станет в среднесрочной перспективе необратимым. Возобладание центробежных процессов над центростремительными приведет к распаду сложившихся на сегодня государств.

Вместе с тем, в плюрализме идентичностей и мультикультурализме нет ничего априорно плохого, они объективны в современных обществах. Плюрализм идентичностей превращается в проблему именно тогда, когда переводится в политическую плоскость. В результате набор устойчивых, базовых политических идентичностей начинает разваливаться на множество фрагментирующих идентичностей, претендующих на статус политических. На наш взгляд, единственным выходом из подобной ситуации являются практика де-политизации мультикультурализма, запрет на политизацию идентичностей, основанных на расе,

этноре, религии или поле. Например, из признания языковой, этнической и других видов идентичности не могут вытекать политические права, а сама идентичность – использоваться как механизм достижения этих прав. Подобная четкость в свою очередь предполагает ясное разведение в обществе политического и неполитического.

Множественные идентичности в современных обществах практически невозможно ассимилировать. Возможности регулирования нарастающих конфликтов заключены в иерархизации идентичностей и определении общих правил игры, которые, естественно, никогда не удовлетворят все заинтересованные стороны. Для этого требуется: а) определить набор базовых ценностей, принципов и институтов, которые всегда будут иметь преимущество в спорных ситуациях; б) определить формы, методы, условия и границы лоббирования коллективных интересов, то есть четко определить сферы политического и неполитического.

В настоящее время, наиболее благоприятную среду для конструирования новых идентичностей являют собой так называемые «переходные общества», переживающие глубокие социальные и интеллектуальные трансформации. Политика стала своего рода «виртуальным конструктором» формирования новых идентичностей. Очевидно, что политическая риторика элиты в трансформирующемся обществе призвана заполнить тот вакуум, который возникает из разрыва вчерашних теоретико-идеологических моделей описания общества и новой действительности, того, что «было», «есть» и «должно быть». Ситуация усугубляется тем, что трансформации российского общества накладываются в России на более глобальный транзит к постиндустриальному, «информационному обществу». Переходный характер российского общества, надлом прежних институтов и коллективных политических практик, дискредитация модернистских идеологий обуславливают выдвижение на первый план переходных, неустойчивых механизмов политической идентификации. Например, в области политики постепенно уходят в прошлое программно-идеологические партии и сами идеологии как способы идентификации. Идеологии превратились в материал для постидеологических конструкторов идентичности. Популярный дискурс популизма смешивает антагонистичные аксиомы классических идеологий, что было бы невозможно, если бы эти идеологии были значимы, если бы с ними идентифицировались реальные социальные группы.

В трансформирующемся российском обществе едва ли не основным источником «объяснительных схем» вместо рационализирующих политику идеологий становится архаизирующая модель политического мифа. С помощью механизмов политической риторики начинают активно формироваться новые идентичности, противостоящие идентичностям, связанным с государством, нацией, гражданским обществом и т.п. Наиболее яркие образцы этой негативной политической идентичности принадлежат крайним частям политического спектра. Экстремистская риторика в рамках архетипического для политики кода «мы-чужие» создает новые виртуальные общности, связанные с мифологемами земли, крови, религии, расы и т.п. Вместо идеологических картин мира предлагается упрощенная логика мифа, увлекающая своей метонимически-метафорической формой. Политическая действительность из монолитно-идеологической становится лоскутной, причем эти лоскуты реальностей, историй, идей не «сшиты» между собой. Логика отдельных лоскутов, актуализация их как микромоделей всего «одеяла» как раз и являет собой технику рождения новых идентичностей. Создателям новых идентичностей не нужно легитимировать себя универсальными критериями Просвещения, не нужны неизменные социальные истины и сущности. Общность идентичности создается в определенном контексте и даже в определенной точке пространства-времени, чтобы затем так же быстро раствориться, исчерпав проблему.

На наш взгляд, с момента распада СССР в России до сих пор не создана краеугольная идентичность новой нации-государства. По сути, речь идет о «гражданской национализации государства», когда политическое тождественно национальному и гражданскому. Все прочие идентичности нуждаются в деполитизации и «разгосударствлении», отнесении к культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам. Создание политической нации заключается, прежде всего, в «простройке» легитимной и справедливой в глазах большинства иерархии идентичностей. Очевидно, что эта универсальная иерархия идентичностей, отделяющая политическое и неполитическое вряд ли удовлетворит все группы интересов. Тем не менее, отсутствие универсальных критериев и общепризнанных ценностей провоцирует лишь разрушительную войну идентичностей, где проигравшими станут все.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента № МК-953.2005.6 и гранта РГНФ № 05-03-83300a/У.